

**ЛЕВ
СЛАВИН**

ИЗБРАННОЕ

Лев Исаевич Славин
Роман с башней
Серия «Рассказы и очерки»

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158758

Лев Славин «Избранное»: Художественная литература; Москва; 1981

Содержание

Музей проверен	17
Проверял ХАНУТИН	18

Лев Славин

Роман с башней

Начнем с того, что в 1970 году я прочел роман Курта Воннегута «Бойня № 5», где впервые пером писателя описана гибель Дрездена, как известно, разрушенного с воздуха американскими и английскими боевыми самолетами в течение трех суток в феврале 1945 года.

В том же 1970 году я приехал в Дрезден под сильным впечатлением от этого поразительного романа и подумал тогда, что Дрезден отныне город Воннегута, конечно, в том смысле, в каком Петербург – город Достоевского или Лондон – Диккенса.

Хотя должен сказать, что Воннегут видел не все. Он не видел, к примеру, печку, сделанную из полутонной фугаски. Признаться, и я не встречал раньше такого своеобразного использования боевого оружия. В дни войны мне приходилось видеть в окопах светильники из гильзы отстрелянного патрона крупнокалиберного пулемета, пепельницы – из поршня подбитого мотора, табакерки, выточенные из плексигласового купола рухнувшего самолета.

Февраль – месяц холодный. Дрезденская жительница, молодая девушка Марта Д., тщательно присматривалась к валившимся фугаскам. Она не кинулась на первую попавшуюся. У нее был богатый выбор. Она нашла наконец бомбу с до-

вольно прилично сохранившимся корпусом. Марта не смогла бы сказать, на какой улице она сделала эту приятную находку, потому что после ночи 13 февраля улицы в Дрездене потеряли свои очертания. Марта превратила эту бомбу – одну из тех, что убили в течение трех суток 135 тысяч ее сограждан, – в печь. Она спасла Марту от замерзания и сохранила ей жизнь. Я видел эту бомбу-печь в музее истории города Дрездена. Я с уважением смотрел на столь человеколюбивого убийцу.

Я видел также Марту Д.

Приехав в Дрезден, я поселился в реставрированной гостинице «Гевандхауз» возле ратуши, на цоколе которой видны шрамы от разрыва фугаски. Их ничего не стоило бы заделать, но они сохранены как память о тех диких февральских ночах.

Ратуша увенчана высокой башней, и надо сказать, что она страшно привязалась ко мне, как если бы она была не башней, а собакой. Ее старое каменное тело застилало почти весь проем моего окна, и с течением времени мне стало казаться, что она живет у меня в комнате. Поначалу было похоже, что она пытается занять должность моего личного будильника. Этот грандиозный будильник обладал двумя голосами. Четвертушки часов отбивал Маленький Колокол, очень, по-видимому, довольный своей самостоятельностью. Целые часы отбивал сам Большой Колокол. Все же Маленький успевал забегать вперед со своими высокими звонкими взвизгами. А

потом комната, улица, город наливались глубокими голубыми вздохами Большого.

Когда я уходил из гостиницы, Башня следовала за мной с какой-то поистине собачьей верностью. И когда я оглядывался на нее, она мне дружески подмигивала своим большим сияющим глазом, на котором так отчетливо обозначалось время. Впоследствии я уехал из Дрездена в Эрфурт, мне было жаль расставаться с Башней, и я думал, что ей тоже жаль, и смутно надеялся, что она последует за мной.

Правда, в Эрфурте тоже оказалась башня. Но какая-то угрюмая, неуклюжая. И хотя она лезла из кожи (вероятно, правильнее сказать: лезла из камня), чтобы понравиться мне, в ней не хватало изящества, я сказал бы, светскости и уж никаких даже намеков на остроумие, которым так отличалась та, в Дрездене. Кроме того, в дрезденской была мощь, недаром она устояла, когда американцы и англичане с неба испепеляли город, и она пережила Гитлера, а до него Вильгельма II, и помнила еще то время, когда Германию называли страной философов и музыкантов.

Да, это у меня был, можно сказать, настоящий роман с Башней.

Однако я хочу рассказать и о другом романе, нет, не о моем, а Марты Д., что и выполню несколько позже.

Когда я выходил из отеля «Гевандхауз», я попадал на маленькую площадь, посреди которой бьет небольшой круглый фонтан. Она так соразмерна, эта площадь, так спокойна,

так уютна, что кажется мне знаком этого города, наиболее чистым выражением его живой элегантной сущности. Я не устал приходиться сюда, иногда я присаживался на борт тихо журчащего фонтана, и неторопливое благоухающее спокойствие Дрездена входило в меня.

Дрезден называют северной Флоренцией, иногда немецкой Флоренцией, вероятно, потому, что здесь много искусства. По правде сказать, здесь, конечно, нет ничего равного флорентийской площади Синьории, и я ни за что не уподоблю горбатенький мост Понте-Веккьо над Арно, весь уставленный лавками ювелиров и сам словно выточенный ими, этому грохочущему железному хоботу над Эльбой, который дрезденцы самоупоенно прозвали «голубым чудом». Но все же, скажу еще раз, здесь много искусства, притом не только упрятанного в музеи, но и на улицах, площадях, фронтонах домов. Сам город – произведение искусства, и это отличает его от Берлина, от его холодной величественности.

И это несмотря на то, что в центре города мрачнеют руины Королевского замка и церкви Фрауенкирхе. Из пустых оконных глазниц прет бурьян, какой-то невероятно пышный, древовидный, что ли. На втором этаже господь бог вырастил целый сад сорняков, устрашающую флору развалин... Но даже и это зрелище не в силах опровергнуть мягкую прелесть Дрездена. Может быть, это происходит потому, что трудно старому русскому солдату, оборонявшему свою землю в двух мировых войнах от вражеских нашествий, трудно, гово-

рю, ему чрезмерно расстраиваться при виде следов былых сражений на чужой земле.

Кроме Марты, у меня не было в Дрездене знакомых, если не считать рафаэлевской Мадонны Сан-Систо, более известной под прозвищем Сикстинская мадонна, или как ее у нас называли, Сикстинка. Но она так изменилась, товарищи! Летом 1955 года я видел ее в Москве в Музее имени Пушкина. Почему-то там она казалась шикарней. Такова, очевидно, сила первого впечатления. А здесь, у себя, она словно опустилась, потускнела, как это бывает с некоторыми женщинами, когда они возвращаются из гостей домой, стирают с лица румяна, перепрыгивают из вечернего туалета в затрапезный хала-тище и погружаются в кухонные заботы, даже не очень стесняясь присутствия посторонних – в данном случае папы Сикста VI, святой Варвары и целого сонма чистеньких благовоспитанных ангелочков.

Марта была одной из немногих уцелевших жительниц Дрездена. Спасло ее, собственно говоря, то, что утром 13 февраля она поехала провести денек в предместье Дрездена – Вайсер Гирш. Погнала ее туда усталость. Усталость от войны. Правда, война долго щадила Дрезден. Его ведь ни разу не бомбили, и поэтому туда сбежалось множество народу со всей Германии – конечно, главным образом женщины, старики, дети. Еще инвалиды, которых тошнило при воспоминании об окопах. И еще раненые, их здесь кое-как заштопывали, чтобы поскорее отправить обратно на фронт. Но пока

что они резво притопывали за дамочками, и это от них тоже, и от дрезденского многолюдства, и от надоедливых поисков еды, и от мыслей о том, «что же, в конце концов, будет со всеми нами», бежала Марта Д. в хвойную тишину Вайсер Гирш (что означает Белый Олень), сейчас слегка припорошенную негустым снегом.

Здесь она увидела заколоченный ресторан, телефонную будку с оторванной трубкой, отель, превращенный в госпиталь. На теннисной площадке был выстроен батрак, где выдавали продукты по карточкам. Маленький кинотеатр был открыт, но он пустовал, всем надоели военные кинохроники. Кирха, стоявшая в самом парке, была закрыта, и непонятно, ведется ли в ней служба. По аллее медленно шагал худой старик в хорошо сохранившемся демисезонном пальто и широкополой бархатной шляпе, из-под которой торчали большие прозрачные уши. Шею его обнимал твердый стоячий воротничок, для военного времени довольно чистый, охваченный широким старомодным бантом. Старик торжественно нес свое значительное лицо с трагически изломанными бровями. Толстая нижняя губа его, несколько отвислая, шевелилась, словно он про себя сочинял стихи на ходу. Марте показалось, что он похож на капризного льва. Ей шепнули его имя: Герхарт Гауптман, знаменитый писатель. Он приехал сюда, потому что Дрезден и его окрестности – единственный тихий уголок во всей Германии.

Марта пошла за писателем как замороженная. Она знала,

что хотя он остался в Германии, но не осрамил себя прислушиванием нацистам. Набравшись храбрости, она подошла к нему.

– Господин Гауптман... – сказала она.

Машинальным жестом воспитанного человека старик приподнял шляпу. Ветер тотчас взметнул его седую гриву.

Глотнув слюну, Марта преодолела спазму робости и продолжала:

– Я играла фею Раутенделейн в вашей пьесе «Потонувший колокол». В любительском кружке на фабрике... Ах, как это прекрасно... Простите, господин Гауптман, я просто хотела сказать, как мы любим ваши пьесы...

Гауптман наклонил голову и, как казалось Марте, внимательно и благосклонно прислушивался к ее словам. Воодушевленная этим, она решила спросить:

– Осмелюсь узнать, господин Гауптман, вы, вероятно, сейчас готовитесь порадовать немецкий народ какой-то новой...

Она не закончила, потому что Гауптман вдруг выдвинул из крахмального воротничка свою худую змеиную шею и резко проквокал:

– Кворракс! Кворракс! Бре-ке-ке-ке-кекс!

Девушка в панике бросилась бежать.

В феврале дни короткие. Марта легла спать рано в небольшой комнатке госпиталя, куда ее впустила знакомая монахиня-медсестра. Уже засыпая, Марта вспомнила, что эти странные лягушачьи звуки, которые издал знаменитый писатель,

это ведь не что иное, как реплики из «Потонувшего колокола». Ну конечно! Как она могла забыть! Их выкрикивает скажочный персонаж Водяной, обитающий на дне реки. Марта засмеялась и решила, что завтра же принесет извинения господину Гаупт-ману за свое глупое поведение. Но она увидела его раньше.

Часов около одиннадцати ее вдруг разбудил глухой беспрерывный грохот. Она выбежала на террасу.

Вдали горел Дрезден.

Курт Воннегут приводит в своем замечательном романе цитату из предисловия американского генерала Аиры Икера к книге англичанина Дэвида Эрвинга «Разрушение Дрездена»:

«Я глубоко сожалею, что бомбардировочная авиация Великобритании и США при налете убила 135 тысяч жителей Дрездена, но я не забываю, кто начал войну, и еще более сожалею о гибели более чем пяти миллионов жизней воинов в настойчивом стремлении союзников окончательно победить и бесповоротно уничтожить фашизм».

Хорошо. Допустим. Между прочим, не мешало бы этому генералу хотя бы упомянуть и о двадцати миллионах жизней, которые положил Советский Союз в борьбе с Гитлером.

Но я сейчас о другом. Я тоже хочу процитировать и тоже англичанина – очень известного английского военного историка Фуллера, из его книги «Вторая мировая война»:

«В первую ночь (то есть 13 февраля. – Л.С.) 800 аме-

риканских бомбардировщиков сбросили 650 тысяч зажигательных бомб попеременно с четырех- и двухтонными фугасными бомбами. На следующий день американцы предприняли налет на город армадой, насчитывавшей 1350 бомбардировщиков и 900 истребителей сопровождения, и повторили его еще раз 15 февраля 1100 бомбардировщиками. В это время город был наполнен тысячами беженцев, пытавшихся спастись от армий маршала Конева. Началась ужасная кровавая бойня...»

Для чего она была учинена – эта кровавая бойня.-» Я продолжаю перестрелку цитат. Курт Воннегут цитирует второе предисловие к книге Дэвида Эрвинга, написанное британским маршалом Робертом Сондби:

«Никто не станет отрицать, что бомбардировка Дрездена была большой трагедией. Ни один человек, прочитавший эту книгу, не поверит, что это было необходимо с военной точки зрения».

То же утверждает и цитируемый мной автор, Фуллер, даже еще более веско:

«Предлогом для оправдания этого акта вандализма служило то, что союзникам якобы важно было помешать немцам использовать Дрезден, являвшийся важным узлом дорог, для спешной переброски войск с целью остановить русское наступление. Однако для того, чтобы парализовать работу этого узла дорог, достаточно было бы непрерывно бомбить выходы из города, другими словами, блокировать город

с воздуха, а не засыпать его бомбами».

Но в чем же все-таки глубинная причина этого массового убийства, превзошедшего по количеству жертв Хиросиму?

Мой Фуллер видит ее в «варварской жажде разрушения». Курт-воннегутский Сондби полагает, что «это было страшное несчастье, какие иногда случаются в военное время, вызванное жестоким стечением обстоятельств. Санкционировавшие этот налет действовали не по злобе, не из жестокости...»

А из чего?

Пока Марта, и стоящий рядом с ней Герхарт Гаупт-ман, и раненые, и монахини из госпиталя, и все прочие с ужасом смотрят на горящий Дрезден, а ураган, поднятый этим ливнем взрывов, доносит к ним из Дрездена, за 25 километров, обугленные клочья бумаги, и Гаупт-ман, не отрывая глаз от этой гигантской жаровни, в которой запекались десятки тысяч людей, шепчет: «Кто научился плакать, тот снова научился, глядя на это...» – попытаемся разобраться, где же причина этого неистового налета на беззащитный город.

Дело в том, что как раз накануне закончилась Ялтинская конференция, участники ее, руководители антигитлеровской коалиции, еще не разъехались, и Черчилль, по чьему личному распоряжению и был учинен этот террористический налет, шмякнул на круглый стол только что закончившейся конференции испепеленный Дрезден как наглядное доказательство англо-американской воздушной мощи. Ну, к

тому же не пренебрег еще и тем добавочным соображением, что к Дрездену приближаются советские армии, – зачем же отдавать России целенький город, кушайте развалины...

Примерно через полгода из тех же соображений была сброшена атомная бомба на Хиросиму. Сделавший это летчик Изерли сошел с ума. Летчики, бомбившие Дрезден, не сошли с ума. Их были тысячи. Ответственность за преступление была распылена. Каждый из этих тысяч Изерли рассуждал: «Я сбросил только мой скромный бомбовый паек. Остальное меня не касается...»

С Мартой и ее мужем я познакомился в кафе на площади Альтмарк. Я присел на свободное место за их столиком. Марта узнала во мне русского, мы разговорились, и она рассказала мне свою историю. Позже я был в их квартирке в одном из новых домов на Ленинградер-штрассе. Муж работает на строительном комбинате. Это спокойный любезный толстяк, который обходится без шеи. Большая курчавая голова его сидит прямо на массивных плечах, и он вращает ею, словно она насажена на невидимый стержень. Его хобби – сочинение афоризмов. Он записывает их в тетрадь. Я списал некоторые из них, чем доставил ему большое удовольствие.

«Каждую минуту надо быть гениальным».

«Немцы не только фашисты и антифашисты. Как и во всем мире, были и просто обыватели, которые ради выгоды готовы стать либо ангелами, либо чертями».

«Зубные врачи искажают наши лица».

«Все мы бывшие дети».

«Когда говорят о ком-нибудь, что ничто человеческое ему не чуждо, то порой имеют в виду, что ему не чуждо как раз ничто животное».

Однако, уцелев в Дрездене во время февральской бойни и не замерзнув благодаря печи-бомбе, Марта едва не погибла в мае 1945 года от руки нациста.

Когда передовые советские части подходили к Дрездену, навстречу им вышла группа антифашистов во главе с профессором Р. Фетшером. Они вышли приветствовать войска, освобождающие их от нацистской тирании. В этой группе была и Марта. Фашистские подонки, прятавшиеся в развалинах, стреляли им в спину. Профессор Фетшер был убит. Марта спаслась.

Ее сыну Вальтеру сейчас двадцать четыре года. Только недавно Марта открыла ему тайну его рождения. Она показала мне фото его отца. С полинялого снимка глянуло на меня скуластое лицо младшего сержанта инженерно-технических войск Семена Халютина. Нос короткий, глаза маленькие, да еще щурятся. Но, может быть, в прищуре и таится обаяние этого некрасивого лица, полного доброты и удали. То был счастливый стремительный роман. Они решили пожениться немедленно после победы. Семен Халютин был убит миной, разорвавшейся под его руками, когда он разминировал здания побежденного Берлина.

Вальтер похож на отца, тот же короткий, как бы еще не вполне сформировавшийся нос, те же серые чуть прищуренные глаза, то же открытое веселое лицо. Когда Вальтер узнал, что его отец русский, он был потрясен. Он не поверил в его смерть. Он вбил себе в голову, что настоящая фамилия его отца не Халютин, а Ханутин. До сих пор на одной из колонн дворца Цвингер видна надпись, сделанная когда-то советским сапером:

Музей проверен

Мин нет

Проверял ХАНУТИН

И Вальтер поехал в Россию искать отца. Он вообразил, что этот Халютин-Ханутин страдает от невоплощенного чувства отцовской любви. Бродя по Москве, он был уверен, что отец и он не раз сталкиваются в уличной толпе, может быть, соприкасаются локтями и расходятся, не узнав друг друга. Но хотя Вальтер и не встретил отца, он нашел нечто для него не менее важное: в душу к нему хлынула Россия. Да, Россия с ее лесами и широкими поймами, с ее болями и надеждами, иконами и луноходами, с ее добродушием и щедростью, и Достоевским, и Василием Блаженным, с ее беспечностью, и ухарством, и терпеливостью, с ее ржаным хлебом с розовыми пятнышками тмина, страшно вкусным, с Инной Чуриковой, московской Жанной д'Арк, вдохновенной русской мужичкой, о которой Вальтер подумал, что повзрослей она столетий эдак на два, она стала бы боярыней Морозовой, а в XIX веке – Софьей Перовской, а в войну – Зоей Космодемьянской...

Курт Воннегут вспоминает в своем романе, что президент Трумэн, сбросив на Хиросиму атомную бомбу, заявил:

«Японцы начали войну нападением на Пирл-Харбор. Они получили стократное возмездие».

А вот Дрезден отомстил своим убийцам тем, что возродился. Это тоже возмездие, и в нем есть благородство. Быть

может, это единственная достойная человека форма отщепенца. Самые руины среди возрожденного города как бы говорят: всякое злодеяние не только отвратительно, но и бесполезно.

Вот почему вместо разочарования жизнью, которое ощутил здесь Курт Воннегут, я, бродя по Дрездену, по его радостным улицам, словно прорубленным в огромном кристалле света, ощутил очарование жизнью. Мне не хватало рук, чтобы обнять на прощанье каменный торс моей милой старой Башни. Я только помахал ей рукой, и она подмигнула мне своим сияющим глазом совершенно по-заговорщицки.

1972